

КИРИЛЛ

КАЗАНЦЕВ

КОЛЫЧЕВ РЕКОМЕНДУЕТ

БАНДИТСКИЕ СТРАСТИ

ИНСТИНКТ
ПОБЕДИТЕЛЯ

Колычев рекомендует: Бандитские страсти

Кирилл Казанцев

Инстинкт победителя

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Казанцев К.

Инстинкт победителя / К. Казанцев — «Эксмо»,
2016 — (Колычев рекомендует: Бандитские страсти)

ISBN 978-5-699-85928-3

Михаил Родин, отслужив в армии почти двадцать лет, ищет работу на гражданке. И тут сама удача идет к нему в руки! На улице Михаил случайно знакомится с молодой и привлекательной Мариной, которая устраивает его охранником на склад. В первое же дежурство Михаил замечает, что со склада пропадают ящики с дорогостоящим титаном. Он сообщает о проблеме своему начальнику Андрееву. Но начальник как-то странно реагирует на полученную информацию. Вместо того чтобы пресечь воровство, он... стреляет в Михаила из пистолета. Звук выстрела пробуждает в охраннике давно утихшие инстинкты бойца...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-85928-3

© Казанцев К., 2016
© Эксмо, 2016

Кирилл Казанцев

Инстинкт победителя

© Казанцев К., 2016

© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

«...и она, открыв глаза, сначала увидела лунную дорожку, идущую от маленького окна к ее постели, а затем огромного черного паука в этом голубоватом свете. Он спустился с потолка по петле, на которой недавно болтался полуразложившийся висельник, и начал плести паутину, напоминающую спутанные бельевые веревки. И тут же в эту паутину, словно муха, влетел человеческий скелет. От него ссыпалось на пол несколько желтоватых костей и...»

– Что за ерунда! – вслух выругался Михаил Родин и, захлопнув книгу, отшвырнул ее в сторону. Затем снова придвинул к себе, провел по обложке ладонью, будто стирая пыль, положил на середину стола и прикрыл сверху газетой со сканвордами. Михаил всегда был человеком аккуратным и невозмутимым, но то, что происходило с ним в последние дни, немного расшатало нервы. И эта книга, оставленная тут, как нарочно, неизвестно кем, не способствовала хорошему настроению. Даже ему, бывшему военному, стало несколько жутковато от прочитанного.

Отодвинувшись вместе со стулом, на котором сидел, Михаил открыл дверцу тумбы старого стола и заглянул внутрь. Да, эта початая бутылка водки по-прежнему стояла там. Кто ее туда определил, он тоже так и не выяснил. Сначала думал, что это его сменщик Андрей, но тот отказался. «Ты чего, Мишаня, я же не пью, ты знаешь. Да и книг таких не читаю. Да я их вообще не читаю. Только вот букварь освоил и какую-то синюю, как в том анекдоте», – и расхохотался над собственной шуткой в трубку телефона.

Родин почесал свой длинный прямой нос и потянулся за бутылкой, хоть и давал себе зарок завязать раз и навсегда. Стекло приятно похолодило пальцы, и он сглотнул слюну. Ладно, граммов пятьдесят, и все. Просто надо немного расслабиться – оправдал он свое желание винить себя, отвинтил крышку и прильнул к горлышку. И тут же приятное тепло покатилося по глотке, шипуче ударило в желудок и уже оттуда кайфовой волной поднялось к голове. Михаил шумно выдохнул, достал из кармана носовой платок, сложенный вчетверо, обтер горлышко бутылки, завинтил крышку, убрал в тумбу и промокнул высокий вспотевший лоб. Посидев с полминуты неподвижно, потянулся к лежавшему на краю стола портсигару, вынул оттуда короткий мундштук, сыроватую «Астру» и, совместив их, с наслаждением закурил.

* * *

Привычка курить через мундштук сложилась еще с армейских времен. Любимая девушка Наденька, которую он считал своей невестой, подарила ему такой набор перед отправкой на срочную службу. С ним он так и не расставался с тех пор, хотя давно расстался с Наденькой. Вернее, она рассталась с ним, пока он отбывал армейский двухгодичный срок. Вышла замуж за белобилетника – сына профессора искусствоведения. Михаил едва не сбежал в самоволку, получив такое сообщение. Нет, он не собирался бить морду сопернику, а уж тем более Наденьке. Он просто хотел купить большой букет бордовых роз, которые она терпеть не могла, и подарить молодым в день их бракосочетания, испортив им, как ему тогда казалось, весь праздник. Хорошо, друзья-однополчане отговорили. Причем «деды», которые пережили то же самое. Их аргументы в пользу того, чтобы этого не делать, сводились к одному: «Тебе срок

впаяют на пару-тройку лет. И как раз на это время позже тыставишь какой-нибудь красотке. А так тебе до этого момента осталось всего несколько месяцев».

Аргумент оказался железным, и Родин оставил свою затею с бордовым букетом. Назло Наденьке он начал активную переписку с ее лучшей подругой Галочкой, которая, собственно, и прислала ему огорчительное письмо о свадьбе неверной невесты. Чернявая худосочная Галочка всегда неровно дышала в сторону Михаила, а потому переписка закончилась женитьбой и двумя детьми. Тянулась семейная жизнь с переменным успехом довольно долго, но зло победило добро – Михаил Родин остался один.

* * *

Докурив сигарету так, что ее остатки едва можно было выковырять из мундштука, Михаил поднялся со скрипучего стула, сделал несколько разминочных упражнений и решил пройтись по периметру огромного склада, который он охранял вот уже как три недели. Охранять было его призванием с младых ногтей. С тех пор как после срочной службы он так и остался в армии, окончив специальные курсы и получив звание прапорщика. Но одно дело быть военным, совсем другое – сторожем. А ведь он еще довольно молодой мужчина. Во всяком случае, он себя таковым и позиционировал.

Ступая почти бесшумно по каменным плитам, Михаил дошел до ящиков с маркировкой «Уральский металлургический завод. 1976 г.» и уже в который раз начал проверять их содержимое. Под крышкой одного из них он обнаружил нечто такое, что заставило его вздрогнуть. Вместо металлических листов там лежали какие-то кости! Родин отдернул руку, и тяжелая деревянная крышка с грохотом опустилась на место, отозвавшись эхом по углам полутемного помещения. И ему показалось, что в этих углах сидят пауки-монстры и плетут паутину из бельевых веревок. Родин был не из робкого десятка, но кособоко попятился от дрянного ящика, а затем по-военному резко развернулся и побежал к своему рабочему месту. Скрипнув неподатливой дверцей тумбы, он, уже нисколько не оправдывая себя, схватил бутылку водки и допил остатки. Опустившись на стул, он достал «Астру» и жадно закурил. И только выкурив ее до половины, вспомнил о мундштуке.

Значительное количество выпитого возымело свое действие. Теперь Михаил сидел за столом, запустив пятерню в длинную русую челку, и тупо смотрел перед собой. А нестройные мысли роились в его затуманенном мозге. Мысли о паутине, которая снова плелась вокруг него.

* * *

Тогда, еще в советские времена, он, как, впрочем, и сейчас, был безупречно честным и принципиальным человеком. В его ведении были склады КЭС. Что в переводе на гражданский язык означает: квартирно-эксплуатационная служба. Правда, и это не совсем понятно гражданскому человеку. Но это неважно. Важно, что Родин с точностью компьютера, который тогда имелся лишь в штабе дивизии, знал, где именно и в каком количестве у него находятся трубы, вентили, краны, задвижки, раковины, ведра, лопаты, электроарматура, радиаторы, огнетушители и прочие предметы быта, необходимые для нормальной жизнедеятельности армии. Можно, разумеется, сказать, что танки, автоматы и бэтээры гораздо важнее таких мелочей. Но, как известно, именно таким мелочам подчиняется вся наша жизнь. И на самом деле, трудно себе представить, что зимой не будет отопления, а в летнюю жару – воды. Да и без электричества всегда сложно обойтись. И Родин если и не гордился своим назначением, то отлично понимал свою значимость. И каждый раз, когда подходило время для продления контракта,

он несколько не сомневался, что останется на своем месте. Но все, как говорится, до поры до времени. А пока эта пора не настала, он наслаждался жизнью.

Свадьбу с Галочкой они справили, что называется, широко – в селе, где проживали ее родители. В чужом городе, где теперь обосновался в военном общежитии Родин, выходило довольно накладно для еще не вставшего как следует на ноги молодого человека. Да и не было тут никого, кто порадовался бы его бракосочетанию. А там, под открытым небом и уже нежарким сентябрьским солнцем отлично разместились семьдесят с лишним человек. Это были и местные жители, и приезжие друзья, и родственники из соседнего города, что был родным как для Галины, так и для Михаила. Правда, родственников у него было немного. Отец умер довольно рано, но его вполне заменили мать, с характером генерала, и бабушка – высокодуховная интеллектуалка. Отсюда, видно, и сложилась противоречивая натура Михаила. С одной стороны, он был довольно мужественен, а с другой – рафинированный интеллигент. И всегда-то у него с собой чистейший носовой платок, и ни пятнышка на одежде, а главное – все разложено по своим местам. И не просто как попало, а в коробочках, в футлярчиках, в чехольчиках, в пакетиках и ящичках. Над его аккуратизмом не раз подтрунивала даже Галочка, не говоря уж о друзьях и приятелях. Они же и дали ему прозвище Миша-футляр. Ну, почти как чеховский Беликов. Только вот, в отличие от Беликова, Родин еще с детских лет весьма упорно и успешно занимался самбо, в котором достиг успехов – звания мастера спорта. Но в жизни ему приходилось драться довольно редко, поскольку мало кому приходило в голову связываться с высоким мускулистым парнем с вечно серьезным аристократичным лицом. Родин был немногословен и сдержан во всем, чем вызывал к себе уважение окружающих. Даже за свадебным столом он вел себя не как растерянный жених, а как вожак на комсомольском собрании.

Вот только когда появилась приглашенная Галочкой Наденька со своим чудосочным пианистом, неся в руках большой букет бордовых роз, Михаил ухмыльнулся. Он прекрасно понял этот жест, который и сам собирался сделать некоторое время назад. В душе он был против этих гостей, но никак не выдал своих чувств новой невесте. Он понимал, что Галина делает это специально, тем более зная, что Надя не совсем ладно живет со своим супругом. Но то, что Галочка хочет устать свою бывшую соперницу, и то, что Наденька весь вечер не сводит с него глаз, Михаила никак не трогало. Ему было фиолетово до этих мелких бабских интриг. Его ждали большие мужские дела на служебном месте начальника КЭС. А что такое любовь? Одно огорчение.

Вернувшись в город с молодой женой, Родин получил комнату в семейном общежитии. Галина же сдала свою однокомнатную квартиру двум жильцам за неплохие деньги и абсолютно безропотно отправилась за мужем на чужбину.

После двух лет совместной жизни у них появился первенец Алешка, и жена попыталась уговорить Михаила вернуться в родные края, но он был непреклонен, оставаясь верным своей службе. Когда же родилась Дашенька, им дали отличную трехкомнатную квартиру. И счастьем этой семьи не было предела. До определенного предела.

Тогда Алешке исполнилось пятнадцать лет. Но не переходный возраст мальчишки стал причиной беспокойства Михаила, а назначение на должность заместителя командира части по тылу нового офицера с прекрасной редкой фамилией Достоевский. Майор Достоевский, не успев вжиться в коллектив, сразу достал Родину. Он самолично зашел на склад, бегло оглядел обстановку и, коротко похвалив его за безупречный порядок, приступил к главной для него теме:

– Товарищ прапорщик... Короче, Миша. Так?

– Так точно, товарищ майор, – по уставу ответил Родин.

– Ну-ну, давай без этого. Тут мы – свои люди. И должны помогать друг другу, – сразу перешел Достоевский на фамильярное «ты». – Правильно?

– Виноват, не понял.

– Да брось! – панибратски хлопнул по плечу собеседника майор. – Все ты понял. Я тут человек новый, а ты здесь служишь почти восемнадцать лет. Так?

– Так точно, – снова прозвучал уставной ответ.

– Ну вот опять. Хорош уже. Чё, чайку у ты есть попить?

– Не держим-с, – смело ответил Родин, уже понимая, о чем сейчас пойдет речь, стоит лишь прогнуться перед начальством.

– О-о... Ну ты жук. Завтра ко мне в штаб сразу после развода.

– Есть, – коротко ответил Родин уже в спину майора.

Да, Михаил понял, зачем приходил Достоевский. Ему просто был нужен стукач. И если сейчас тот хотел потрепаться за чаем, то завтра это будет почти официальное предложение. «Да и хрен с ним, – подумал Миша. – Не впервой. Закошу под дурака, как водится, и дело с концом».

Наступило завтра. Это как раз и был день рождения сына. На разводе командир части перед полком представил майора Достоевского. Затем поздравил с юбилеем замполита подполковника Веселовского, отругал командира взвода Рюмина за плохое выполнение поставленной перед ним задачи, отправил на «губу» прапорщика Салова и на том закончил, сойдя с трибуны и укатив из части на черной «Волге» по своим неотложным генеральским делам.

В этот раз Михаил как никогда желал, чтоб развод продолжался как можно дольше. И вот теперь он шел к Достоевскому по его вчерашнему распоряжению. Но сегодня ему уже не казалось, что все с этим человеком будет просто. И он не ошибся.

* * *

Михаил оторвался от своих неприятных воспоминаний и снова потянулся за портсигаром. Закурив через свой любимый мундштук, он решил еще раз посмотреть на тот злополучный ящик. Теперь ему уже не было жутко. Эффект внезапности сменился трезвыми рассуждениями, пришедшими в не совсем трезвую голову.

Да. Это снова подлая подстава. Сейчас практически ясно, кто и зачем подложил ему такую идиотскую книгу и алкоголь. А теперь и это! Родин во второй раз открыл ящик, заметив, что он совсем другой. Просто похожий. И теперь уже внимательно стал изучать его содержимое, брезгуя дотрагиваться руками и орудяя монтировкой. И стоило только шевельнуть этот мусор, как пошла отвратительная вонь. Ее издавал еще не совсем истлевший труп крупной собаки. Ключья темной шерсти местами сползли с остова, а голый череп животного хищно скалил внушительных размеров клыки, словно усмеялся над Родиным.

– Да, я полный кретин, – вслух обратился он к мертвой собаке. – Надо было действовать раньше, а не тянуть резину. А теперь, мой бедный дружок, вся чужая вина может снова лечь на меня. При таком раскладе я здорово подведу Марину. На себя-то мне уже давно наплевать, а вот ее жаль. Не оправдал доверия.

Михаил захлопнул крышку и вернулся на место. На столе так и осталась стоять пустая бутылка. Он поднес ее к настольной лампе, что тускло светила из-под зеленого матерчатого абажура, и, убедившись, что там не осталось ни капли, с размаху саданул ею о кирпичную стену. Бутылка с грохотом разлетелась на мелкие осколки, один из которых ранил Родину в щеку. Но он не обратил на это никакого внимания. И только когда кровь стала капать на газету, которой была прикрыта чужая омерзительная книга, он достал из нагрудного кармана камуфляжной казенной куртки носовой платок и приложил к ране. Физической боли он не ощущал. В данный момент его больше всего одолевали тягостные сомнения. А стоит ли вообще кому-то что-то доказывать? Нужно ли продолжать лезть в это дело, которое его по большому счету вовсе и не касается? Наверное, все-таки стоит. Хотя бы потому, что тут не только частная

собственность, но и дело государственного масштаба. Да и ради Марины стоит. Вот тогда он смолчал, хоть и не пошел на поводу у подонка. Но не стал оправдываться. Просто ушел, и все. Но чем это закончилось? Вот именно. Он, честный человек, потерял любимую работу, а гнида остался править бал. Пусть и ненадолго.

Рассуждая про себя, Родин заточил перочинным ножом спичку и принялся чистить прокопченный дешевым табаком мундштук. Закончив работу, вставил в него сигарету и опять закурил. А воспоминания, казалось, так и лезли, так и перли на него из темноты углов, оплетенных паутиной интриг и подлости.

* * *

– Прапорщик Родин по вашему приказанию прибыл, – отдал честь Михаил, представ перед майором Достоевским.

Тот сидел за письменным столом своего предшественника, уволенного в запас, и перелистывал какие-то бумаги. Не взглянув на подчиненного, он тихо и спокойно произнес:

– Короче, так, раз в неделю по вторникам будешь приходить ко мне и докладывать следующее: кто и что просит у тебя на халяву, какие неуставные отношения у вас в роте, какие ведутся разговоры о начальстве, кто чем дышит, кто с кем спит. Понятно? – И только теперь он пробурчал Родину своим белесым немигающим взглядом.

– Так точно. Понял, товарищ майор. Разрешите идти? – отчеканил Михаил.

– Свободен. До вторника.

Прапорщик резко развернулся и вышел из кабинета, чеканя шаг.

Когда Михаил вернулся домой, там уже полным ходом шло празднование. Галина накрыла стол для Алексея и его троих друзей в гостиной, а сама со своей подругой Светланой разместилась на кухне. Они пили молдавское вино «Тамянка», закусывая шоколадными конфетами и ломтиками апельсина.

– О! Мишка, привет! С именинником тебя, – подняла свой бокал Светлана, заведя его на пороге кухни.

– Спасибо, Света, – без тени улыбки ответил он, собираясь выйти.

– Ты, что ли, с детьми хочешь сесть или все-таки с нами обоснуешься? – окликнула его захмелевшая Галочка.

– Я сейчас. Руки помою, – буркнул он, переступая через порог.

– Вот так всегда! Вечно хмурое лицо, – нарочито громко воскликнула жена, сетуя своей подружке. – Живем как чужие люди. Даже в день рождения сына не улыбнется. И я просто уверена, что он и подарка-то ему никакого не принес. А что он может принести? Ведро оцинкованное или розетку электрическую? Ха-ха-ха! Да он и этого не может притащить. Он ведь честный у нас. Представляешь, Светка, когда мы эту квартиру получили, тут просто вообще ничего не было. Даже раковины. Ну, думаю, не проблема. Мой-то на всем этом сидит, уж обеспечит уют и комфорт. Ни фиги! Даже гвозди сами покупали. Представляешь? Зарплата нищенская, двое детей, я не работаю, а он покупает это дерьмо!

– Ну, хватит, Галка. Чего ты завелась? – попыталась остановить подругу Светлана.

Михаил плотнее прикрыл дверь в ванной и включил воду. «Черт, а ведь я и впрямь Алешке ничего не купил. Ладно, подарю ему деньги. Он парень взрослый уже. Сам чего-нибудь себе купит. Так даже лучше. Хрен бы задрал этого Достоевского!»

Когда он вернулся на кухню, женщины пели «Рябину». Это все же было лучше, чем язвительная критика жены.

– Ты голодный? – заботливо поинтересовалась она, прервав припев.

– Нет. Спасибо, – ответил Михаил, присаживаясь за практически пустой стол.

Галочка подала ему пустой бокал:

– Ты хотя бы выпьешь? За Алешку? – и, не дожидаясь ответа, сама плеснула ему немного вина.

– Миш, а сыграй нам чего-нибудь, – кривляясь, жалобно попросила Светлана. – А мы с Галкой споем. Или сам спой. Ну Миша, ну пожалуйста.

– Так, иди за гитарой. Петь будем, – приказным тоном заявила жена. – В конце-то концов у нас праздник. Или у тебя опять серые военные будни?

Михаил молча вышел и через минуту вернулся с инструментом:

– Ну, чего вам сыграть?

– Давай романс какой-нибудь, – попросила Светлана.

Михаил начал перебирать струны и тихо запел:

Думы окаянные, думы потаенные,
Бестолковая любовь, головка забубенная...

– Вот! Бестолковая любовь! А я что тебе говорю, – оборвала его протяжное пение Галочка.

– Да хватит уже! Он так здорово поет, – заступилась за Мишу Светлана. – А что такое «забубенная голова»?

– А это раньше шуты на ярмарках пели, а содержание песен чаще всего аполитичным было. И чтобы их местные власти не преследовали, шуты прятали лица за бубнами, – пояснил Михаил и отпил маленький глоток вина.

– Ничего себе! – восхитилась подруга жены. – Ты просто ходячая энциклопедия.

– Ага. Только толку-то от этого, – снова не удержалась от колкости Галина.

Михаил отложил гитару. Если ему изначально не хотелось петь, то сейчас просто хотелось уйти из дома. Просто побыть одному и подумать. Подумать над тем, как вести себя дальше с новым начальником.

Наступил «долгожданный» вторник. Родин долго размышлял и решил просто проигнорировать требования майора. Все-таки это не было официальным приказом. Такое уже случилось с ним за время его долгой службы. Он поступал так же, и от него отставали. Но после обеда Достоевский сам заявился на склад и, подойдя к прапорщику вплотную, зашипел:

– Ты еще пожалеешь об этом, – и, нарочито задев его плечом, удалился.

Несколько дней Достоевский как будто не замечал Родин, а потом вдруг резко поменял тактику. Стал словно в друзья набиваться. Спрашивал о детях, шутил, рассказывал пошлые анекдоты и хлопал Михаила по плечу. Родин недоумевал от такой метаморфозы и ждал очередного подвоха. Он и случился. Как-то, зайдя на склад, Достоевский завел речь о дачных участках. Сказал, что приобрел по случаю для своей семьи надел земли.

– А хочешь, и тебе устрою? Недорого по нынешним временам. И речка там недалеко есть. Ты рыбалку любишь? И дети пусть клубнику жрут. А баба огурцы сажает.

– Нет, благодарю, товарищ майор, – почтительно отказался Михаил, все более раздражаясь от манеры общения этого человека.

– Чё, бабок маловато? Тя, может, научить, как их делать? Мозгов у самого не хватает на это? Ну, смотри, не прогадай, жук.

Теперь Михаилу стало понятно, почему переменялся Достоевский. Просто ему предстоит строить дачу. А для этого кроме кирпича и досок потребуются многие вещи, какие находятся на складе КЭС. Кроме того, и бесплатная рабочая сила в качестве рядового состава, которую прапорщик также может ему обеспечить, стоит только закрыть глаза на бесчинства офицера и немного ему подыграть. Что ж, назревает новый конфликт. В принципе что-то подобное Родин и ожидал. И действительно, через пару дней после разговора о земельном участке Достоевский подкатил к прапорщику и открытым текстом заявил:

– Короче так, Мишаня, ты мне спиши аккуратно трубы оцинкованной полдюймовочки. Метров сто хватит. Вентилей с десяток. Ну и по мелочам там пару раковин, умывальничков и ведерок с пяток. Надо, прежде чем домик строить, водопроводом заняться. А, и это... задвижек пару надо. Лады? И надо поторапливаться, а то морозы скоро стукнут.

– Виноват, не понял, товарищ майор, – попытался закосить под дурачка Михаил.

– Чё не понял? Чё не понял-то, жучило?! – резко повысил голос майор. – Хорош мне тут выдрючиваться... Умник! Сказано – выполнять! Быстро.

– Вы мне накладную подпишите, товарищ майор, я выполню, – ответил Родин, глядя в потолок.

– Ясно, сучонок. Будет тебе и накладная, и докладная. Жди.

И дождался Михаил. Через неделю его вызвал к себе замполит Веселовский.

– Садитесь, товарищ прапорщик, – указал он ему на большое велюровое кресло и сел напротив. – Я вызвал вас, так сказать, для неофициальной беседы.

Михаил присел на предложенное место на самый краешек, словно готовясь немедленно вскочить и уйти. Он интуитивно почувствовал, что сейчас услышит нечто омерзительное, совершенно не относящееся к службе, ибо там придаться было не к чему. Не ошибся он и на этот раз.

– Вот что я хотел сказать, товарищ Родин, – не совсем уверенно начал подполковник. Затем встал, налил себе из графина воды. Встал и Родин. – Вы сидите, сидите, – махнул Веселовский рукой, сделал несколько глотков и вернулся на место. – Тут дело такое... деликатное, что ли. В общем, до меня дошли слухи... Хотя слухам я не привык доверять. Информация поступила. Короче, скажите мне прямо, какие отношения вас связывают с делопроизводителем службы КЭС товарищем Самойленко?

– С Самойленко? – неподдельно удивился Михаил. – Но он ведь командир взвода, а не делопроиз... – и тут же осекся.

– Нет, я имею в виду его жену. Ирину Васильевну Самойленко.

– С Ириной Васильевной? У нас с ней исключительно служебные отношения. Она выписывает накладные из штаба...

– Не надо меня информировать о роде ее профессиональной деятельности. Я в курсе, – голос его стал тверже.

– Виноват, – смутился Михаил, начиная понимать, куда клонит замполит.

– Меня сейчас интересует другая сторона ваших с ней отношений. Я, разумеется, не стану выяснять детали и подробности, но сразу хочу предупредить, что, если это безобразие продолжится, ваш контракт, который подходит к завершению, не будет продлен. Мне в части не нужна аморалка! Так что подумайте, товарищ прапорщик, что для вас важнее. Служба или, понимая, эти шуры-муры.

– Но... но у нас с товарищем Самойленко ничего нет. Между нами ничего нет. Клянусь честью. Мне и своей жены вполне хватает, – неуместно пошутил ошарашенный Михаил.

– Если бы я узнал о вашей связи от одного человека, возможно, и счел бы данный факт сплетней, но эта информация поступила ко мне из трех источников. А этим людям я вполне доверяю. Так что разговор окончен. Сделайте соответствующие выводы, товарищ прапорщик. Вы свободны.

Михаил встал, отдал честь и вышел из кабинета. Впоследствии он так и не решил для себя, стоило ли тогда продолжить спор с подполковником Веселовским, а может, стоило поговорить и с самой Ириной Васильевной? Или просто надо было набить морду Достоевскому и двум его прихвостням, о которых он сразу догадался, как о «дополнительных источниках», которым доверял замполит. Но, как бы там ни было, Родин посчитал ниже своего достоинства все эти дешевые разборки и сам для себя замял эту, мягко сказать, неприятную тему. Был, конечно, еще вариант – раскрыть глаза замполиту на настоящую сущность его зама Достоев-

ского. Но и это он отверг как бездоказательный факт. Да и не стукач он априори. Даже на таких подлецов, как этот, ябедничать не станет. Так что чему быть, того не миновать. Если есть справедливость на свете, все будет хорошо. Но как сказал классик: «Нет правды на земле, но нет ее и выше». Видимо, надо все-таки за нее и за себя бороться. Иначе не выживешь. А твое молчаливое благородство – детская присыпка по сравнению с подлостью и низостью мелких гадов.

* * *

Михаил докуривал уже пачку «Астры», хотя часы показывали только два ночи. До конца вахты оставалось шесть часов. «Нет, я не буду сидеть сложа руки, – решил он для себя. – Завтра я все-таки сделаю то, что наметил. И не для генерального директора, а исключительно для себя. Да плевал я на это место сторожа, не оно важно. Важно ощутить себя значимым человеком. Личностью, которую никто не вправе назначить в своей игре мелкой сошкой. Ржавым винтиком в большом механизме. Баста! Натерпелись».

И сейчас, как никогда, он почувствовал в себе злобу. Даже ярость. Во что бы то ни стало Родин решил распутать этот клубок обмана и очередных подстав. И хоть не верил он в Бога, но заповедь «не укради» являлась для него первой и главной. И он, пострадавший из-за нее однажды, ощутил в себе инстинкт не только охранника, но и охотника. Несправедливость жизни внесла свои коррективы в его сложившийся характер. Теперь он – боец без интеллигентской рефлексии, он – страж порядка! И, конечно же, не допустит он того, что еще одна женщина, к которой он сейчас привязался, посмеется над ним и уйдет к другому. Очередного раза не будет! Он всем докажет, что от бывшего Родина не осталось и следа. Особенно от того, в кого он превратился за последние годы – безработного алкаша и никому не нужного слюнтяя. Даже вспоминать тошно, как он тонул глубже и глубже, после того как оказался за бортом. Только вот приступать к делу надо с горячим сердцем и холодной головой, как учил Дзержинский. А у Михаила, наоборот, сердце было пустым и холодным, а мозги просто плавились, с трудом воспринимая происходящее. И зачем он выпил эту треклятую водку?!

* * *

Прапорщику Родину даже не объяснили, почему контракт его верной многолетней службы не будет продлен. Просто «сделали под козырек», и прощай без «прости». Он возвратился домой, не зная, как все рассказать Галочке. Ну не о том же, что его ложно обвинили в интимной связи с делопроизводителем Ириной Васильевной Самойленко.

Дети были в школе. Галочка возилась на кухне, готовя обед. Она была крайне удивлена раннему приходу мужа и посмотрела на него подозрительно:

– Чего это ты? Что-нибудь случилось?

– В общем, да, – глядя себе под ноги, ответил Михаил, присаживаясь на табурет возле стола, где на деревянной доске были аккуратными рядами разложены пельмени. – Ну, не то чтобы случилось, – промямлил он, чертя пальцем круги по рассыпанной на столешнице муке. – Короче, мне не продлили контракт.

– Что?! – воскликнула жена, вытирая ладони о ситцевый фартук и присаживаясь напротив. – Как не продлили? Ты шутишь?

– Какие уж тут шутки, Галя. Я – безработный, – тяжело вздохнул он, так и не осмелившись взглянуть супруге в глаза.

– То есть как безработный? А как же... А что мы теперь будем делать?

– Что? Не знаю. Наверное, искать новую работу. Я же не умер все-таки, – улыбнулся он уголком губ и посмотрел на Галочку.

Он ждал, что жена сейчас поддержит его, утешит, скажет что-то важное, но она как взорвалась:

– Новую работу?! А что ты умеешь?! Что ты вообще можешь, кроме как на складе командовать? У тебя ведь даже образования, кроме твоего прапорского, никакого нет! А в чем дело-то? Почему не продлили? Ты хоть узнавал?

– А что толку? Даже если и объяснят причину, решения своего не поменяют. Может быть, на это место блатного кого берут? Не знаю.

– Можно подумать, что это министерское кресло! Кому оно нужно-то, Миша, окстись! Так, если ты сам не хочешь, то я пойду. Я пойду прямо к командиру части, скажу, что у нас двое несовершеннолетних детей, и пусть думает! Я и повыше пойду! А ты – тюфяк! Как был, так и остался.

– Никуда ты не пойдешь! – с силой хлопнул по столу Михаил так, что облачко муки взмыло вверх и обсыпалось ему на форменные брюки. Он тут же попытался отряхнуть колени, но испачкался еще больше.

– Это еще почему? Ага! Значит, ты что-то знаешь. Ну-ка, говори! – истошно завизжала прозорливая Галочка.

– Я сказал, что ничего не знаю. И знать не хочу. Все, закончим дебаты, – уже спокойным тоном отрезал Михаил.

– Ладно, Миша. Давай поговорим тихо. Без крика. Пожалуйста, расскажи мне правду. Я твоя жена и имею право все знать. Ты согласен?

Помедлив с минуту, Михаил решил-таки, что Галочка действительно должна узнать истинную причину его увольнения. И он все ей рассказал. Дойдя в своем малоэмоциональном повествовании до того момента, когда его вызвал к себе замполит Веселовский, Родин заметил, как Галочка, до сих пор молчаливо внимавшая ему, заметно занервничала.

– С женой Самойленко? – переспросила она, и черные глаза ее забегали, словно тараканы. – А почему именно она? Ирина?

– Да какая разница кто, – буркнул Михаил. – На ее месте могла быть и медсестра Лена, и докторша Таисия Павловна. Ты разве не поняла, что дело тут не в определенной женщине? Просто таким образом мне легче всего было приписать аморалку. Хорошо хоть суд чести прапорщиков не устроили.

– А у тебя с ней на самом деле ничего не было? Ты только скажи правду. Мне это очень важно знать, – посмотрела на него жена так, словно хотела своим взглядом пробуравить его насквозь. – М-да, понятно, – врасстяжку произнесла Галина и вдруг резко сменила тему. – А ты знаешь, Алешка вчера двойку по географии принес. Вот сколько с ним быюсь и ругаюсь, все без толку! Вот по всем предметам хорошо и отлично, а география ему никак не дается. Может быть, ты попробуешь с ним позаниматься? Тем более что теперь будешь дома сидеть.

– А с чего ты решила, что я буду сидеть дома? Я на работу устроюсь, – удивился Михаил, не придав тогда значения странному поведению жены.

Как-то слишком быстро она ушла от основного разговора, перестала грозиться, что пойдет разбираться к командиру части, да и вообще больше не возвращалась к теме о несправедливом увольнении мужа.

И только позднее совершенно случайно он узнал, что за всем этим стояло. А произошло это озарение спустя всего месяц. Он устроился в магазин, что был рядом с домом, охранником. Не бог весть какая зарплата, но лучше, чем ничего. И надо было зайти туда прапорщику Салову. Не то чтобы были они с Родиным заядлыми корешами, но на службе имели вполне приятельские отношения.

Когда Салов с набитой до отказа пластиковой корзиной остановился у кассы, его увидел Михаил и коротко кивнул ему в знак приветствия.

– О! Миша, здорово! Ты тут, что ли, теперь?

– Как видишь, – несколько смущенно пожал плечами Родин.

– А у тебя смена до скольки?

– До восьми.

– А-а... – Салов, поддернув рукав синей олимпийки, глянул на наручные часы. – А сейчас девятнадцать сорок пять. Слушай, а давай пивка попьем. У меня выходной и жена с дочкой к мамаше уехала. Я вон, смотри, как затарился, – кивнул он на свои покупки, которые тщательно разбирала кассирша, пикая своим аппаратом.

Наличие там двенадцати бутылок пива, соленых сухариков и чипсов не оставляло сомнений, что Салов и впрямь решил хорошенько расслабиться.

– Я не пью, ты же знаешь, Санек, – решил отказаться от приглашения Михаил. Ему было неприятно возвращаться к армейским воспоминаниям и беречь еще не зажившие в душе раны.

– А ты у меня тут крепче пива чего видишь? Разве это питье? Так, затравочка для расслабухи нервишек. Давай, пошли. Да и разговор у меня к тебе есть. Давно уж хотел, да все не решался. А тут вдруг ты. Как судьба. Ну?

– С вас восемьсот семьдесят рублей тридцать копеек, – прервала его кассирша, перекладывая в другую корзину пачку сливочного масла.

Салов отсчитал деньги. Бросил на железную тарелочку, звякнув тремя десятикопеечными монетами, и стал упаковывать продукты в большой полиэтиленовый пакет. Но все не помещалось.

– Дайте еще пакетик, – обратился он к миловидной кассирше. – А что вы делаете сегодня вечером? Не хотите присоединиться к компании таких орлов, как мы? – кивнул он в сторону Михаила и засмеялся, хлопнув себя по брюху.

Кассирша хихикнула, потупив глазки, и стала пересчитывать деньги:

– За пакет с вас еще четыре рубля.

– А за поцелуй? – не унимался Салов. – Короче, Мишаня, я тебя на улице жду. Закрывай лавочку.

Михаил посмотрел ему в спину. «Какой еще разговор? Салов никогда треплом не был. Чего ему от меня надо? Или все-таки сходить?»

В квартире Салова царил такой беспорядок, что Михаилу пришлось перешагивать через разбросанные повсюду вещи. Наверное, жена собиралась впопыхах. А может, просто плохая хозяйка. «Не то что моя Галочка», – подумал он, устраниваясь за пластиковым, сплошь заляпанным жиром столом.

Салов водрузил на него четыре бутылки пива, остальные же сунул в морозилку.

– Так, холодненькое будет. Ага, вот, – высыпал он сухарики в глубокую тарелку, а пакеты с чипсами даже не удосужился раскрыть, бросив рядом. – А ты пожрать чего-нибудь хошь? С работы ведь, – заботливо поинтересовался суетливый Александр. – Мне тут Валька борщеца оставила.

– Нет, спасибо, – вежливо отказался Родин, безразлично глядя на гору грязных тарелок в раковине.

– Вот кайф, представляешь! Их две недели не будет. Ну, а ты как? Рассказывай. – И он, откупорив пол-литровую бутылку, пододвинул ее к Михаилу, не предлагая даже стакана.

– Да нормально, Саша. Чего там. Во всяком случае, честь никому отдавать не надо. Почувствовал себя свободным человеком.

– Завидую. Нет, правда. Ты знаешь, как они мне тоже все осточертели... Рожи их видеть не могу. Кстати, твоего любимого Достоевского уже с позором погнали из части, – как бы между прочим сообщил Салов. – Внаглую через КП на «пазике» трубы вывозил. Без накладной, естественно. – И, открыв свою бутылку пива, он жадно припал к горлышку.

– Да и хер с ним. Даже говорить о нем не хочу, – отмахнулся Михаил. Но отметил про себя, что справедливость все-таки существует на свете.

– А может, ты сходишь к замполиту теперь? – словно прочитав мысли Михаила, предложил Салов. – Ща-то он понял, что к чему.

– Нет, не хочу, – мотнул головой Родин и достал портсигар.

– Да и правильно, – не стал уговаривать его приятель. – А ты все так же не изменяешь традициям, господин Родин. Все через мундштучок куришь. Прикольно.

В этот момент позвонила обеспокоенная Галочка. Михаил ответил, что встретил однополчанина и немного задержится.

Потом приятели разговаривали о жизни, о детях, о футболе. Выпив три бутылки пива на голодный желудок, Михаил, не имеющий в этом деле сноровки, захмелел. И вот тогда Салов, допивая уже седьмую бутылку, приступил к тому, что именно хотел сообщить бывшему коллеге.

– А знаешь, Миша, я вот все думал, думал. Но раз уж мы тут сидим, то скажу, – начал он издали. – Ты ведь до сих пор не знаешь настоящей причины того, почему тебя турнули. Нет, причина-то, конечно, ясная. Достоевский – сволочь. Но вот самого главного ты не знаешь.

– Чего не знаю? Ты что мямлишь? – немного напрягся Родин и потянулся за сухариком. Но просто стал крутить его пальцами.

– Ой, – шумно выдохнул Александр. – Ладно. Расскажу. Только сразу предупреждаю: услышишь ты сейчас то, чего не дай бог кому.

– Ну, может, хватит уже подготовительных курсов? Давай уж, начинай, Санек, – стал терять терпение Михаил и раскрошил сухарик в пыль.

– А может быть, водочки перед тем? У меня имеется, – все никак не решался начать важный разговор Салов и потянулся к дверце холодильника.

Но Родин перехватил его руку:

– Да угомонись ты уже. Приступить к выполнению задачи! – скомандовал он ему, будто срочнику, как в былые времена.

– Есть, товарищ прапорщик! – усмехнулся Салов. – Только уж сразу договоримся, как по уставу, за добытую информацию ты мне рожу не бьешь. Ты знаешь, Миша, я, может быть, и раздолбай, но не сплетник. То, что скажу, – вернее не бывает.

И рассказал. Вот тут-то и перевернулась вся жизнь Михаила Родина. Отсюда и пошел обратный отсчет.

* * *

Михаил поднял газету со сканвордами, взял в руки книгу с названием «Ваша кровь для нас» и, слегка напрягши мышцы, разорвал ее вдоль переплета. Две половинки отправились вслед за бутылкой из-под водки. Несколько листков от удара о стену отлетели в сторону и, плавно кружась, опустились на осколки.

После этого он встал со стула и пошел к входной двери, запертой им изнутри на мощный железный засов. Там, рядом с порогом, стояло ведро, в которое были засунуты веник и совок. Он наклонился, взял его и направился к кирпичной стене.

– А сейчас все это надо убрать, – снова вслух как бы приказал он сам себе. – Не надо оставлять такие следы. Ничего не было. Ни книги, ни водки. И дохлой собаки тоже не было. – На некоторое время он забыл, что на него смотрит глазок видеокамеры.

Терпеливо и тщательно Родин начал сметать разбитое стекло в совок и скидывать в ведро. Туда же он определил и разорванную книгу. Затем отправился к полке, на которой были сложены обычные пеньковые мешки. Взял один из них и посмотрел на свет: не дырявый ли? Там же без труда нашел пару рабочих рукавиц и тоже оглядел их. С этими нехитрыми предметами он

бодро зашагал к ящику, в котором обнаружил труп собаки, и, надев рукавицы, в очередной раз открыл его. Брезгливо морщась, он начал выгребать оттуда зловонное содержимое и перекладывать в мешок. Когда ящик опустел, он провел по дну рукой, собирая остатки шерсти, и, убедившись, что все теперь чисто, туго завязал мешок. Подхватив на ходу и ведро, Родин открыл засов двери и шагнул за пределы склада. Свежий сырой ноябрь приятно похолодил ноздри. Уверенной походкой Михаил направился в сторону мусорных баков, но дорогу ему внезапно преградил местный сторожевой пес по кличке Файл. Он грозно зарычал, оскалив верхние желтоватые клыки.

– И кто только дал тебе такое несуразное имя? Файл! – спросил Михаил, сбавив шаг, и слегка потряхнул мешком.

Файл притих и начал нюхать воздух. Затем немного присел на задние лапы вытянул морду к небу и протяжно завыл.

– Учуй смерть? То-то. Посторонись. Кorteж пройдет.

Спокойно дойдя до намеченной цели, Родин выбросил в бак мешок и следом высыпал туда содержимое из ведра. Файл продолжал выть. Возвращаясь назад, Михаил остановился возле пса и протянул к нему руку:

– Вот так, мой друг, заканчивают все. Извини, что не похоронил с почестями. Времени нет.

Пес перестал выть и потянулся к Родину, ткнув ему в ладонь мокрым носом.

– Что, пойдем, помянешь твоего собрата? – потрепал он его за ухом и двинулся дальше.

Файл, словно понимая слова, пошел за ним.

Михаил вернулся на склад, достал из пакета бутерброд с дешевой колбасой, что брал себе на смену. Есть ему совершенно не хотелось, и он, не жалея, вынес его собаке, ожидавшей за дверью. Увидев охранника, Файл вильнул хвостом, принял из его рук бутерброд, но не проглотил, а, зажав в зубах, пошел прочь. Отойдя на десяток метров, он аккуратно положил бутерброд на землю и скрылся в темноте.

– Смотри-ка, какой интеллигент, – усмехнулся ему вслед Михаил. – Не захотел меня обидеть отказом. Только вот интеллигенту очень сложно прожить в этом мире. Учти, псина!

* * *

После встречи с Саловым Михаил вернулся домой поздно и совершенно пьяный. Практически непьющий человек, он нагрузился пивом, а затем и водкой так, что едва стоял на ногах. А ведь с утра ему предстояло снова идти на работу. Но сейчас он об этом не думал. Он думал о том, чтобы сдержаться и не убить жену. Ему очень хотелось садануть ей как следует в челюсть. Да, просто по-мужски, без дешевых разборок. Но нельзя. Она – женщина. Подлая и низкая тварь! Теперь-то он понял, почему тогда забегали ее глазки-тараканы и она резко сменила гнев на милость. А потому, что рыло в пуху, а вернее, в дерьме. И он теперь в дерьме по ее милости.

Галочка вышла из спальни в голубом пеньюаре, щурясь от света в коридоре. Ее разбудил шум. Это Михаил, пытаясь разуться, упал на обувную полку и опрокинул ее. Теперь он так и сидел на полу возле входной двери, безумно таращась по сторонам и что-то бубня себе под нос. Таким жена его видела впервые.

– Господи, Миша! – воскликнула она, сначала не понимая, что происходит. – Тебя избили?

Бросившись поднимать Михаила, она почувствовала исходящий от него запах алкоголя и тут же прекратила свои попытки помочь. Поднявшись в полный рост, она сложила на груди руки крендельком:

– Та-ак! Понятно! Ну конечно, все грузчики должны пить. И ты туда же, хоть и охранник.

Михаил, опираясь о стену, встал. Все плыло перед глазами. И силуэт Галочки, облаченный в голубое, сливался с салатовыми обоями. Вот только черные глазки-тараканы резко выделялись на фоне ее бледного лица. Он сфокусировал на них свой взгляд и громко крикнул:

– Молчать, с-сука! Молчать, я с-сказал!

– Что?! – вздрогнула Галочка и попятилась.

Ни разу за все годы их совместной жизни муж не только не обозвал ее, но и ни разу не повысил голос. И она поняла. Она поняла, что он все узнал.

Это случилось на праздник. В части отмечали юбилей со Дня Победы. Было разрешено приходить с женами. Михаил за день предупредил Галочку о данном событии. Маловато, конечно, времени, чтобы хорошо подготовиться, но хорошо хоть не за час. От него и такого можно было ожидать. Она сбегала на маникюр и стрижку, купила новое бирюзовое платье с блестками и, уже блистая во всей красе, села за длинный накрытый стол рядом с Михаилом, одетым в парадную форму. Так получилось, что напротив них сидела чета Самойленко. Ирина Васильевна, служившая в части делопроизводителем, не была красавицей. Грузная фигура, блеклое лицо, неприветливый взгляд из-под светлой челки и плотно сомкнутые, не улыбочивые губы. Зато капитан Самойленко, ее муж, был просто великолепен. Худошавый брюнет с синими глазами. В отличие от Михаила, он был весельчак и балагур. Галина хохотала над его шутками весь вечер. А когда он пригласил ее на вальс, даже и не подумала отказать.

Не подумала она отказать и на его просьбу дать номер ее телефона. Не отказала впоследствии и просто дать. Вот так и завязался их бурный роман.

Самойленко объяснялся ей в любви, нещадно критикуя свою супругу, и день ото дня становился все настойчивее, требуя частых встреч. Галине было сложно улучать свободные часы, но еще сложнее оказалось отказать обаятельному капитану. Она никогда не испытывала такого романтизма и душевного подъема. Михаил всегда скуден на комплименты, никогда не приглашал в ресторан или даже кино, редко улыбался, и вообще, с ним ей было скучно. А тут вдруг такой фейерверк! Букеты, которые она не знала куда девать, золотая цепочка в подарок, что пришлось прятать, и отдаленные от города кафешки, куда он возил ее на собственной иномарке. И как тут не закружиться голове?

Самойленко даже начал вести разговоры о своем разводе с супругой.

– Подумай сама, Галюсик, детей у нас нет и быть с ней не может. Она бесплодна, как пересохший колодец. Видеть ее уже не могу. А тут ты! Даже не думал, что меня могут затронуть такие чувства. Ты словно возродила меня из пепла! А давай поженимся?

Галочку всегда восторгала речь Самойленко, полная пафосных эпитетов, но к такому повороту событий она не была готова.

– Послушай, Валера, я ведь замужем. И у меня двое детей, если ты не забыл и...

– И пусть они станут моими. Да чего тебе сдался этот хмурый прапор?! Брось его. Пойдем со мной. Ты не пожалеешь. Мы ведь просто созданы друг для друга.

И вот тут-то Галина стала приходить в себя, будто вынырнув из комы.

И уже стали раздражать ее эти сумасшедшие, никак не вяжущиеся с мужским образом речи. Он стал казаться ей каким-то клоуном, а не остроумным блистательным офицером. Ей даже думалось порой, что он не совсем психически здоров. И она решила для себя завязать эти отношения. Семья, существование которой уже встало под угрозу, была ей дороже романтики. Да и романтика-то быстро закончилась. Но не тут-то было. Самойленко продолжал донимать Галину телефонными звонками, иногда даже подкарауливал возле школы, когда она приходила за Дашенькой, и все причитал, как он влюблен и как страдает без нее. Но Галина отговаривалась от встреч, ссылаясь на занятость. Она побаивалась отбрызнуть его сразу.

А когда Михаил преподнес ей известие о своем увольнении, а затем подробно рассказал о его причине, ей стало страшно. Не просто так там фигурировала жена Валерия Самойленко! Тем более что через некоторое время она узнала, что Валерий разводится с Ириной Васильев-

ной. Галина поняла, что в некотором роде стала причастной к данной интриге, в которую втянули ее мужа. Своей женской логикой она практически всю ситуацию расценила правильно.

Майору Достоевскому стал неугоден его слишком честный подчиненный, и он решил его убрать. Стукачи и нюхачи майора донесли ему об отношениях Галины и капитана Самойленко. Скорее всего, Достоевский имел разговор с капитаном, приперев его фактами, а тому только и надо было этого. Самойленко, вступив в удачный сговор с Достоевским, решил оклеветать надоевшую ему жену, негласно обвинив ее в связи с Родиным. Таким образом, выгоду поимели оба подонка. Грязью были политы два ни в чем не повинных человека. Достоевский, распустив эти слухи, помог капитану Самойленко при разводе с женой выйти сухим из воды, а для себя просто расчистил поле для нечистоплотной деятельности.

Галина потому и не кинулась разбираться к командиру части. Она прекрасно знала, что муж ни в чем не виноват. Но она чувствовала вину за собой. Начни сейчас искать правду – и сама попадешь, как кур во щи. С того момента она так и не жила спокойно, постоянно ожидая, что рано или поздно все откроется. И что тогда с ней сделает муж? Но шло время, с Самойленко, как ей тогда казалось, она окончательно порвала, высказав свое мнение о его, мягко сказать, поступке, и все стало тихо. Михаил устроился на работу. С военной жизнью было покончено. Галина немного успокоилась. Но когда сегодня он коротко брякнул в трубку, что встретил какого-то однополчанина, она напряглась.

Так и есть, теперь он все знает, и вот он надвигается на нее неверной походкой. Галина закричала, проснулись дети и тоже вышли в коридор. Увидев в таком состоянии отца, Даша взвизгнула и заплакала. Алексей же, как настоящий мужчина, двинулся на него, отгораживая женщин. Михаил немного пришел в себя и остановился.

– Ты чего? – уставился он на сына.

– Папа, иди спать, – тоном, не терпящим возражений, сказал парень. – Давай я тебе помогу.

– Уйди с дороги. Я сам, – буркнул Михаил и побрел в спальню.

Там, в чем был, он ничком рухнул на постель и тут же захрапел. Галина успокоила дочь и ушла спать в детскую. Ей, разумеется, не спалось в эту ночь. Она думала. Думала, какую тактику ей избрать при завтрашнем разговоре с мужем. И кроме как нападение, ничего в голову не приходило. Она непременно скажет утром, что ее так же оклеветали, как и его. Они ведь сволочи. С них станется.

Михаил проснулся в шесть утра от дикой головной боли и сухости во рту. Для него это было необычное ощущение. Перевернувшись на спину, он сначала вообще не понял, где находится. За окном было по-зимнему темно, жены рядом не оказалось, а тишина в квартире злое еще звенела в ушах. Еле поднявшись, он побрел на кухню и стал жадно пить прямо из носика эмалированного чайника. В голове снова все поплыло, и он пошарил в ящике, где лежали лекарства, в поисках анальгина. Под руку попался цитрамон, и он, отсчитав сразу четыре таблетки, сначала разжевал их, морщась от кислоты, а затем снова выпил воды. Посидев немного на табурете, почувствовал себя значительно лучше, и память стала возвращаться в его воспаленный мозг.

Но лучше бы этого не было. Михаил снова стал переживать тот момент, когда Сашка Салов открыл ему глаза на действительность. Сначала Родин просто не хотел в это верить, но тот привел ему такие доводы, что не поверить было невозможно. Все сходилось. Данное известие просто вышибло его из колеи. Как так? Мужики, офицеры, бойцы занимались такими дворцовыми интригами, что Мария Медичи просто ребенок по сравнению с ними. Это не укладывалось в голове. И Галочка! Его дорогая женушка, мать двоих детей оказалась обыкновенной шлюхой! И пусть не так он ее любил, как Наденьку, но тут свихнуться можно при таком раскладе. И водка, затаренная в холодильнике Салова, пришлась кстати. Сначала Михаил хотел немедленно пойти и набить морду Самойленко, потом хотел порешить Достоевского,

но Сашка, пытаясь его успокоить, сказал, что прежде всего виновата жена. «Сучка не захочет, кобель не вскочит. При чем тут капитан? Он, конечно, мразь, но понять мужика можно. Твоя Галина – баба в соку», – урезонивал он Родина, уже вовсю жалея, что развязал язык. Не хватало, чтобы тот в тюрягу угодил. А ведь Михаилу стоит только кулаком махнуть, и от головы Самойленко, а уж тем более майора одни крошки останутся. И он накачивал его алкоголем все больше и больше, дабы у Родина не осталось сил на глупости. Потом вызвал такси и проводил товарища до самого подъезда, убедившись, что тот уже не то чтобы куда идти, а и говорить почти не может. Но этого Михаил уже не помнил. Вообще, надо сказать, что события того вечера он помнил фрагментарно. Лишь самое главное. Факт измены жены и необыкновенная низость офицеров его бывшего полка. И сейчас, потрясываясь от озноба, он пытался сообразить, каким образом попал домой и где сейчас Галина.

Супруга же прекрасно слышала, как шоркается на кухне Михаил, но выходить не соби-
ралась. Уж если выбрана тактика нападения, а не извинений, лучше делать вид, что обижена. Через пару часов нужно будить детей в школу, вот тогда она и появится. При них он не станет устраивать скандал. Постесняется. Но через несколько минут она услышала, что муж хлопнул входной дверью. Неужели ушел? На работу пока рано. Куда это он?

Родин вышел из подъезда и направился к ближайшему ларьку. Понаслышке он знал, если выпить пивка после такого похмелья, станет если и не очень хорошо, то значительно лучше. Тогда еще не ввели закон, приравнивающий этот напиток к алкогольным, и он на беду прода-
вался круглосуточно.

Прильнув к горлу холодной зеленой бутылки, Михаил выпил почти до дна, не отрываясь. И действительно, через минуту почувствовал себя иначе. Уже не было так скверно и погано на душе, исчезла вялость в теле, и захотелось какой-то немедленной деятельности. Важной и справедливой. Ни грамма не сомневаясь во внезапно нарисовавшейся цели, он двинул стопы в сторону дома капитана Самойленко.

Шлепая по ноябрьским лужам, Михаил прошел несколько кварталов, вынул из кармана камуфляжной куртки оставшееся пиво, допил остатки и поставил бутылку возле лысеющего тополя. Бомжи подберут. Он завернул во двор, где жил капитан. Его синяя иномарка стояла возле подъезда, заляпанная грязью так, что не было видно номеров. Но Родин сразу узнал ее. Что ж, замечательно. Значит, хозяин еще дома. Только бы не выходной у него сегодня.

Не обращая внимания на сырость, Родин сел на лавку, достал портсигар и, вставив в мундштук «Астру», закурил. Действие алкоголя сразу усилилось. Все поплыло перед глазами. Нет, расслабляться не стоит, подумал он и, выбросив сигарету, положил мундштук на место.

Примерно через полчаса подъездная дверь открылась, вышла бабка с большой сум-
кой в руке и, подозрительно оглядев незнакомца, зашаркала вдоль дома и скрылась в арке. А еще через некоторое время появился и долгожданный Самойленко. В военном плаще поверх кителя и фуражке, он направился к машине, позвякивая ключами, не обратив внимания на Родина.

– Э! Тормозни, – окликнул его Михаил, поднимаясь с лавки.

Самойленко удивленно выпучил глаза.

– Ты? – только и успел сказать он.

Мощный кулак влетел ему в нижнюю челюсть, и капитан штабелем рухнул на мокрый асфальт. Фуражка откатилась в сторону и поплыла в большой, подмерзшей по краям луже возле бордюра. Родин наклонился к нему, рывком приподнял за грудки и снова мощно са-
нул, теперь уже в переносицу. Легковесный Самойленко вскрикнул и отлетел, приземлив-
шись на капот своего автомобиля. Кровь потоком хлынула на форменный плащ, завывла охран-
ная система, словно жалея своего хозяина, а он, схватившись за лицо, застонал и снова осел на землю.

Родин подобрал валявшиеся рядом ключи и отключил воющую на весь двор сигнализацию. Наступила тишина, прерываемая лишь стонами так и сидевшего на сыром асфальте офицера.

– Надеюсь, понял, за что? – тихо спросил Родин, глядя на верхушки голых кустов, тянувшихся вдоль газона, и потирая слегка саднивший кулак.

– Да я люблю ее, – сплевывая кровавую тягучую слюну, прохрипел Самойленко и, опираясь о машину, начал вставать.

Снова завопила сигнализация. Родин еще раз нажал на кнопку и швырнул ключи Самойленко. Но тот не поймал их. Звякнув, они упали рядом.

– Понимаю тебя, Михаил, но мы с Галей любим друг друга, – гнусава, начал объясняться он. – И тебе придется признать этот факт. И учти, даром тебе это не пройдет.

– Ты еще и угрожаешь мне? – дернул Родин бровью и двинулся к окровавленному и перепачканному грязию Самойленко.

– Стоять! – взвизгнул тот, выставив вперед руку.

– Ты забыл, я уже не в армии, – усмехнулся Родин и, схватив его за руку, с силой крутанул так, что тот перевернулся и осел на колени.

– Отпусти, больно! – истошно заорал капитан.

– А мне нет? Ты, может, и жениться готов на Галине?

– Готов, готов, – простонал Самойленко. – Пusti!

– Ты это серьезно? – несколько удивленно спросил Михаил, отпуская захват.

– Да. Серьезно. Ты же знаешь, я развелся с Ириной, – заговорил напуганный капитан, поднимаясь с колен. – А то, что тебя убрали, это не мои пироги.

– Ты принял живейшее участие в их приготовлении. Так что заткнись.

Родин почувствовал, что начинает вовлекаться в этот дешевый базар. Сейчас он пожалел, что сперва не поговорил с женой. И у него возникло непреодолимое желание поскорее вернуться домой, посмотреть ей в глаза и уж тогда принять правильное решение. Не сказав больше ни слова, он сплюнул себе под ноги и быстрым шагом удалился со двора.

– Я это так не оставляю! – бросил ему вслед Самойленко, но Родин, увлеченный своими тяжелыми мыслями, того уже не услышал.

Он шел и думал: неужели правда, что жена и впрямь влюблена в этого мерзавца. Видела бы она его сейчас. Да что сейчас! Что вообще она в нем нашла такого, что могло серьезно ее привлечь? И чего же не было в нем самом, если она пошла на это предательство? Неужели он хуже этого подонка, пустившегося в подлый, какой-то бабский сговор с Достоевским. И Родин, приближаясь к дому, все больше хотел услышать от неверной жены извинения, клятвы в любви и слезы раскаяния. Вот тогда, может быть, он понял бы произошедшее с ними. Даже простил бы. Да, бывает всякое в жизни. Ну, мало уделял внимания, когда-то недоластал, не вник в какую-то проблему, был слишком увлечен работой. Пусть. Пусть случился этот адюльтер. Но не любовь же! И чем ближе он подходил к своему дому, тем ниже падала его самооценка.

В конце концов, он не удержался и купил себе еще пива. Опорожнив сразу две бутылки, он покурил, почувствовал себя немного увереннее и вошел в подъезд.

Галина, уловив чутким ухом скрежет дверного замка, заметалась на кухне, затем села за накрытый к завтраку стол, поправила прядь темных волос и стала глядеть в окно. Дети уже ушли в школу, и поддержки у нее сейчас нет. С одной стороны, она была рада, что Михаил вернулся. Не сгинул, не пропал. Но с другой – Галина поняла, что так до конца и не узнала этого человека, ибо не знала она, что он выкинет в данный момент. То ли изобьет ее, то ли снова уйдет из дома. А может быть, вообще не скажет ничего. С такой ситуацией она столкнулась впервые и сидела смирно, ожидая своей участи. Только пальцы, которыми она теребила салфетку, выдавали ее нервозность. Она слышала, как он, тяжело сопя, снимает обувь,

как зыкнула «молния» на куртке, а потом шаги. Но не на кухню, а в их спальню. Там скрипнула кровать, и все стихло.

Сначала Галина с облегчением выдохнула, но спустя десять томительных минут, в которые ничего не происходило, кроме накаливания в квартире напряженной атмосферы, она решила пойти в спальню.

Михаил лежал прямо на шелковом темно-синем покрывале и, скрестив руки на груди, смотрел в потолок. В комнате уже было довольно светло, и Галина заметила на его штанах подсохшие брызги крови. Ей стало нехорошо. Но не от вида крови, а от мысли, что ее муж совершил нечто такое, за что придется им всем долго расплачиваться. А в воздухе витал запах алкоголя. Это тоже было для нее большой новостью. Раньше Михаил практически не пил. Разве что по крупным праздникам и не более бокала вина. И чисто интуитивно, женским чутьем она уловила приближение катастрофической грозы, надвигающейся на ее семью.

– Миша, – тихо окликнула она мужа.

Но он никак не прореагировал на ее призыв, продолжал немигающим взглядом смотреть в беленый потолок. Галине на секунду показалось, что он умер. Но именно так он себя сейчас и ощущал. Ему уже не нужны были никакие объяснения. Зачем слова, если дело уже сделано. Обсуждать нечего. Его не только предали, но и подставили. И нет теперь ни семьи, что была раньше, ни любимой работы. Можно, конечно, смириться с ситуацией и уже не жить, а влачить существование. Но выдержит ли он такую данность? Вот только если начать конкретно пить? А что? Ему сейчас не так уж и мучительно больно.

– Миша, – снова позвала Галина и как ни в чем ни бывало спросила: – Ты завтракать будешь?

– Что?! – эмоционально откликнулся он и вдруг зашелся в диком хохоте, буквально катаясь по широкой кровати.

Галина отступила в дверной проем, прижав к груди руки, и, в страхе пятясь, ретировалась на кухню. В этот момент в дверь позвонили. Она вздрогнула и застыла в нерешительности. Звонок повторился. Затем еще раз. Михаил перестал хохотать, встал с кровати и пошел открывать.

– Вы – Родин Михаил Леонидович? – спросил его один из трех в милицейской форме, когда тот распахнул дверь.

– Так точно, – по военной привычке ответил он. – Что, с вещами на выход?

– Так точно, – усмехнулся в ответ молодой лейтенант.

Галина вышла в коридор, наблюдая, как Михаил шнурует ботинки.

– В чем дело? Миша? Что это значит? – взволнованно заговорила она, хватая его за рукав куртки, которую он собирался надеть.

Но он бросил ее, оставив в руке жены, и решительно вышел за порог.

– Куда вы его?! – закричала она, бросаясь вслед.

– Спокойно, гражданочка. Там разберемся, – сухо ответил низкорослый сержантик, преграждая ей дорогу.

– Где там? Миша, куда они тебя?

– В двадцать четвертое отделение, – пояснил тот же сержант, замыкавший процессию.

– А что?! Что он сделал-то?! – почти в истерике закричала женщина, но подъездная дверь уже захлопнулась.

Медленно шаркая, она вернулась на кухню и опустилась на табурет. «Лишь бы он его не убил», – подумала она о самом страшном. И в этот момент зазвонил телефон в кармане ее халата.

Она сделала неловкое движение, чтобы достать его, но только теперь обнаружила, что до сих пор держит куртку мужа. Бросив ее прямо на пол, достала телефон. Ей звонил Самойленко. Ну, слава богу, живой!

– Галюня, это я, – выпалил он в трубку. – Я сейчас возле твоего дома. Нам надо срочно поговорить. Я сейчас поднимусь. – И он разъединил связь, не дожидаясь ее согласия.

«Значит, он все видел. Видел, как под конвоем вывели из дома Михаила, – догадалась Галина. – И это он. Он вызвал милицию! Господи, что же теперь будет? Как все далеко зашло. Это просто не укладывается в голове. Неужели Валерий до сих пор не хочет оставить меня в покое?»

Ей сейчас меньше всего хотелось его видеть. Но только он мог дать ей хоть какое-то вразумительное объяснение происходящему. Она кинулась к двери открывать. Самойленко уже стоял на пороге, протягивая руку к звонку. Галина ахнула, увидев его лицо. Распухший нос набок, видимо, сломан, на левой скуле большая ссадина, плащ залит кровью и заляпан грязью. Таким его, вечно холеного и ухоженного, она видела впервые.

– Ну здравствуй, любимая, – пытаюсь улыбнуться, еле внятно проговорил он. – Видишь, как приходится страдать из-за чувств к тебе. Я пройду?

Родина для начала посадили в обезьянник, не предъявляя никаких обвинений. Просто молча заперли в клетке, где находились двое неопрятного вида мужиков, от которых исходило зловоние нечистых тел, грязной одежды и перегара. Явные бомжи. Один из них растянулся во всю длину лавки, другой же примостился рядом на каменном полу. Родин подошел ко второй лавке и сел, оглядывая незатейливый антураж. Стены с облупившейся краской и штукатуркой, сплошь испещренные матерными словами, скабресными фразами и даже стихами. Прокопченный потолок, под которым горела тусклая лампочка, обрамленная решетчатым железным плафоном. Да эти две обшарпанные длинные лавки.

– Здоров, курить есть? – чуть обождав, обратился к нему рыжебородый бомж, что лежал на лавке.

– Есть, – буркнул Михаил, глядя себе под ноги.

– Так дай, – с явным вызовом потребовал тот.

– Полай, – ответил Родин, не сводя взгляда с заплеванной каменной плитки.

– Чи-и? Чи ты казал, урод? – проворно вскочил с места рыжебородый.

Тут же поднялся с пола и его товарищ, одетый в рваную болоньевую куртку и с фингалом под глазом. Встал и Родин. Нехотя и вальяжно. Хрустнул костяшками пальцев, разминая руки.

– Ладно, смотри, – быстро уgomонились бомжи, видя воинственный настрой сокамерника. – Ночь длинная.

* * *

Проводив взглядом интеллигентного Файла, Михаил вошел на склад, запер изнутри дверь, как было положено по инструкции, и решил приготовить себе крепкий чай. Выпитая доза водки клонила в сон. Насыпав столовую ложку заварки прямо в бокал, он включил электрический чайник. Сейчас, когда мельком пронеслись воспоминания о женском коварстве, он внезапно стал мыслить резко иначе. А вдруг Марина совсем не та, за кого себя выдает? К черту все эти старые воспоминания, но спасибо им за горький опыт. Лучше еще раз проанализировать ситуацию, которая сложилась на данный момент. Итак, с самого начала, не упуская ни одной детали. «Именно Марина три недели тому назад и помогла мне устроиться сюда работать. Зачем? Просто хотела помочь? Но женщинам никогда нельзя доверять. Это мне теперь ясно. И можно ли верить тому, что она на самом деле питает ко мне какие-то чувства? Но какие могут быть чувства, кроме омерзения, к алкашу, живущему в коммуналке с таким же собутыльником? А я сейчас сижу и благородно рассуждаю о том, чтоб не подвести Марину».

И словно пелена упала с его глаз. Все сознание перевернулось благодаря былым воспоминаниям, и он в очередной раз схватился за сигарету, восстанавливая в памяти события прошедших дней.

Всего полтора месяца назад, когда заканчивал свои дни теплый сентябрь, Михаил, едва разлепив веки, с трудом встал со скрипучего дивана и двинулся на общую кухню. Там накануне они с Василичем выпили два с половиной литра вонючего самогона, что был куплен у местного «бутлегера» Валентины Ивановны. Не яд, но все-таки отрава. Зато дешево. Денег-то практически нет. Только пенсия Василича да случайные подработки Михаила не давали мужикам умереть от голода и «засухи». Там, на кухне, Михаил надеялся отыскать на донышке бутылки хоть каплю спасительной влаги. Но проворный Василич уже опередил его.

– Да тут было-то граммов десять, Мишаня, – проговорил он извиняющимся тоном, перехватив его жадный взгляд на пустую четверть. – Давай-ка лучше сбегай за пивком. У меня тут на траурный случай полтинничек в заглазнике есть. – И он протянул Михаилу скомканную купюру. – Давай, сынок, сбегани по-скорому. Не будем подставлять нашей смертушкой Валентину Ивановну.

– Сильно сказано – «сбегани». Доползти бы, – терпеливо выслушав пафосную речь соседа, прошелестел сухими губами Родин, беря пятьдесят рублей из трясущейся старческой руки.

Как есть, в трико и мятой полинялой футболке, он отправился в ближайший сетевой магазин. На большую бутылку пива ему не хватало. Хотя и надо-то было всего десятку. Но кланчить он не хотел. Еще не опустился до такого. Зажав между пальцами горлышки двух стеклянных поллитровок, он пошел к кассе. Там, возле кассира, стояла она. Женщина, навалившая полную тележку продовольствия. Михаил хотел уж было перейти ко второй кассе, но та не работала. Женщина обернулась, оценила жалкий вид дышащего ей в спину перегаром мужика и пропустила вперед:

– У меня много. Идите вы сначала.

– Безмерно благодарен, – по-гусарски поклонился Родин и обошел женщину.

– С вас сорок восемь рублей, – посчитала его пиво неприветливая девушка, отворачивая остренький носик в сторону.

Михаил бросил на пластиковую тарелочку деньги и, не дожидаясь двух рублей, вышел. Сначала он быстро пошел в сторону дома. Но потом вдруг передумал. Та женщина, со множеством покупок, как она их дотащит? Рядом на улице ни машины, ни мужика. Ну а он на что? Она ведь так любезно уступила ему очередь. Надо помочь. Но для начала он сцепил между собой бутылки, сделал легкое движение, слетела крышка с одной из них, откатившись в сторону, и он залпом выпил содержимое. Женщина вышла из магазина, буквально прогибаясь под тяжестью двух объемных пакетов с до предела натянутыми ручками. Одна все-таки не выдержала и лопнула. На асфальт вывалились рыбные консервы и пластиковая банка майонеза. Михаил проворно подскочил и...

Вот так и произошло его знакомство с Мариной. Моложавой пухленькой блондинкой с голубыми глазами. У нее не было мужа, не было и детей, но была в администрации города работа, которой она посвящала себя полностью. А еще у нее была мечта: купить машину. Дорогую и красную.

Узнав о том, что Михаил раньше служил в армии прапорщиком, она немедленно предложила ему свою помощь в его трудоустройстве. Двоюродный брат Марины Чиков Евгений Сергеевич был генеральным директором частного охранного предприятия, сокращенно ЧОП, под названием «Сокол». Он-то и мог обеспечить работой Родин, куда тот, собственно, пока не стремился. Но Марина так рьяно взялась за его перевоспитание, что уже через короткое время их бурного романа он предстал перед Евгением Сергеевичем Чиковым в приличной одежде и без следов беспробудного пьянства на лице.

Объект охраны был определен сразу. Раньше это была так называемая Зоринская база. Не база, а целый город. Множество кирпичных строений и ангаров огромной площадью располагалось на этой территории. Был туда и подъездной железнодорожный путь, а станция называ-

лась Зоринка. Отсюда и пошло название этой колоссальной базы. Со всего тогда еще СССР туда свозились стройматериалы и инвентарь, а затем распределялись по нужным объектам. Но это в те времена. Теперь же хозяева поменялись, поменялось и название, но немногим отличающееся от прежнего. Все-таки раскрученный бренд. АО «Заря», где генеральным директором являлся господин Хаджакисян, сдавало в аренду и использовало само двадцать шесть складов, каждый из которых был не менее тысячи квадратных метров. Вот один из таких складов под номером четырнадцать с обычными шанцевыми и строительными инструментами достался в ведение Михаила Родина. Тот, кто сидел на этом месте до него, безвестно пропал, сменщик же Андрей Щербаков оставался прежним. Молодой человек, два года назад дембельнувшийся со срочной службы. Работа состояла в том, что, меняясь через ночь с Щербаковым, Михаил должен выходить на склад и дежурить там с восьми вечера до восьми утра. В другое же время присутствие охранников не требовалось, поскольку торговля велась исключительно по накладным через строгую проходную. Это было доверено тем, кто работал тут в дневное время. Кладовщикам, бухгалтерам, грузчикам. А всем заправляли директора отдельных складов. За каждым числился свой.

Родин же поступил под начало директора склада Андреева Вячеслава Николаевича – сорокалетнего пузана, раскатывающего по территории АО «Заря» на сером джипе. Мужик он был приветливый, но, как показалось Михаилу, безалаберным. Он совершенно не заинтересовался личностью нового сторожа своего склада, лишь без высокомерия подал ему руку, крепко пожал и, широко улыбаясь, поздравил с первым рабочим днем. На том сразу и укатил.

Проведя свою первую ночь в огромном помещении, Михаил лишь обошел его, визуально оценивая масштабы охраняемого. В основном тут были сложены штабелями всевозможные коробки и ящики с различной маркировкой да просто так прислоненные к ним же и к стенам деревянные черенки и железные ломы. Больше ему не хотелось ни во что вникать. Он просто отсидел свою вахту за письменным столом, постоянно кляня носом над сканвордом, которым снабдила его заботливая Марина, и борясь с желанием выпить. Пагубная привычка, сложившаяся за последние годы, мучительно преследовала его. И вот так вдруг и сразу было очень тяжело ее преодолеть.

Он, конечно, не давал никаких клятв Марине, что завяжет. Да она и не просила. Это было как само собой разумеющееся. Во всяком случае, он сам для себя так решил.

Вторую же ночь, как, впрочем, и многие предыдущие, Михаил провел в широкой двуспальной кровати Марины. Он выспался за полдня после дежурства и уже не хотел спать. Да и она, хоть и вставала каждое утро в семь, была неутомима. У них сейчас шел медовый месяц, когда не чувствуешь усталости и лени, когда открыто второе дыхание, когда октябрь кажется маем, а за окном не картавое карканье вороны, а переливчатые трели соловья.

– Миш, расскажи что-нибудь о себе, – промурлыкала Марина, потягиваясь после бурного секса, словно большая сытая кошка. – Я ведь так ничего и не знаю о тебе.

– Меня зовут Михаил, фамилия Родин. Мне сорок...

– Ну-у-у, – прервала она, – я серьезно.

– А разве я шучу?

– А как ты оказался в нашем городе?

– Я тут родился и вырос.

– Как? – неподдельно удивилась женщина. – Ты же бывший военный. Я думала, что ты тут от части эту коммуналку получил.

– Нет. От других добрых людей, – его голос стал тверже, и Марина поняла, что эта тема ее новому бойфренду не по душе. Но все-таки не отставала:

– Погоди, значит, у тебя тут родители живут?

– Уже не живут. Вернее, отец и бабушка умерли, а мать вышла замуж и уехала в столицу.

– Так это ее коммуналка?

– Моя. Мариночка, давай закончим эти имущественные вопросы. И вообще, тебе утром на работу. Поспи хоть немного.

– Ну почему ты всегда разговариваешь со мной таким снисходительным и насмешливым тоном, будто я какая-то маленькая девочка? – растягивая слова, пробормотала она, укладываясь на его плечо.

– А ты большая? Едва до плеча вот мне и дотягиваешь.

– Кстати, как тебе первый рабочий день? – позевывая, вяло поинтересовалась Марина.

– Ты полагаешь, это кстати? Ну, тогда нормально. Только и делай, что ничего не делай. Дольче фарниенто, как говорят итальянцы.

– О-о, ты знаешь итальянский? – немного оживилась Марина, приподняв голову.

– Нет, успокойся, только это выражение.

– А перевод знаешь?

– Прекрасное ничегонеделанье. Все, спокойной ночи, моя любознательная.

В следующее дежурство Михаил пришел на десять минут раньше, чтобы спокойно, без спешки заменить кладовщицу Елену Алексеевну, с которой уже познакомился в прошлый раз. Полная брюнетка лет пятидесяти пяти еще сидела за компьютером в своем импровизированном кабинете в помещении склада и сосредоточенно стучала по клавиатуре одним пальцем.

– Здравствуйте, Елена Алексеевна, – поприветствовал женщину Родин, заглянув через приоткрытую дверь.

– Угу, – кивнула она, безотрывно продолжая работу. – А что, уже восемь?

– Без малого.

– Черт, опять ничего не успеваю. Столько этой писанины. Да еще на этом долбаном компьютере. Вот раньше от руки да в журнал, все было проще. А ту-ут... темный лес. До сих пор не могу нормально освоить. Ой, ладно, блин, завтра закончу, – пробормотала она и, отключив умную машину, стала собираться домой.

Михаил же сложил в тумбочку своего стола пакет с бутербродами и плюшкой, упакованные заботливой рукой Марины, сел и стал разгадывать сканворд. Через пару минут вышла кладовщица и, заперев на ключ свою каморку без окон, подошла к нему.

– Всегда удивляюсь вам, сторожам, какую силу воли надо иметь, чтоб вот так высидеть целую ночь! Тут ведь даже телевизора нет, – посочувствовала она, застегивая пальто.

– А что, это идея. Вот с первой зарплаты и куплю, – улыбнулся Михаил.

– Да что ты, умный какой! А то никто бы не догадался, – ласково подтрунивая над ним, засмеялась женщина. – Тут же ничего не ловит. Стены как в бункере, антенны нет. Даже окон нет нигде.

– Ну, это же не Дворец съездов. Какие тут могут быть окна? Это бы только усложнило мою задачу. А про телевизор я пошутил.

– Ишь, шутник! Ну, пока. Счастливого оставаться.

Михаил, заперев за ней дверь, сделанную в больших воротах, через которые днем проезжали грузовики, остался один и решил еще раз пройти по складу. Но уже более внимательно изучить то, что было ему положено охранять. Просто по сложившейся с армейских времен привычке. Подойдя к горе ящиков, сложенных друг на друге, он открыл один из них. Там, как и было подписано обычным мелом «лопаты», лежали именно они. Правда, штыки лопат, так было бы точнее с точки зрения бывшего прапорщика.

Затем он перешел к следующему штабелю. Снова открыл. Порядок. Грабли так грабли. Дальше – строительные мастерки. Еще, продвигаясь вдоль стены, обнаружил кирпичи, скобы, уголки и прочую мелочь. Каждая пирамида ящиков начиналась простой меловой надписью, гласящей о содержимом. Может быть, и удобно, но очень допотопно. А в целом порядок. Почти как когда-то на армейском складе КЭС.

Пройдя до самого конца здания, Михаил открыл очередной ящик с надписью «провода стальная». Скрученные бухты довольно толстой проволоки лежали, перестеленные между собой просаленной, почти истлевшей бумагой. «Странное хранение проволоки, – подумал Родин, беря одну из бухт. – Да и легковат этот моток для стали», – как бы взвешивая на руке, прикинул он и, положив обратно, закрыл крышку.

Здесь было очень плохое освещение, лишь по одной лампочке на каждые пятьдесят метров под высоченным потолком. Но он все-таки разглядел еще одну надпись на крышке. Даже не надпись. Штамп. «Уральский металлургический завод, 1976 г.». «Так вот почему бумага такая старая, – понял Родин и снова открыл ящик. Нет, на сталь это не похоже», – еще раз взвесил он на руке свернутую кольцами проволоку и, достав из кармана спецовки выданный ему фонарик, направил луч яркого света на бухту. Да, не сталь. Но что? Очень похоже на титан. Эх, проверить бы.

Не поленившись, Михаил сходил туда, где хранились зубила. Взял одно. Затем подошел к ящикам с молотками. Где что находится, он уже знал наизусть благодаря своей прекрасной памяти. При помощи этих незатейливых предметов он отрубил небольшой кусочек проволоки и положил в нагрудный карман.

М-да, судя по прочности материала, это действительно может быть титан. Ничего себе ошибочка. Разница по цене в десятки раз больше, рассуждал он про себя, продолжая между тем осматривать склад. Теперь ему на глаза попались еще такие же ящики с той же маркировкой от семьдесят шестого года. Там он обнаружил надпись все тем же мелом «кровельное железо». Так же перестеленные между собой бумагой, там находились металлические листы. Примерно восемьдесят на сто тридцать сантиметров. Только и они никак, по умозаключению Родин, не могли быть обычным железом. Легкие, прочные, светлее того, чем кроют крыши. Михаил прекрасно знал, что вот такие титановые пластины применяются в ракето- и самолетостроении, где требуется высокая прочность и малый вес. Но, может быть, он ошибается? Мало ли какие сейчас существуют сплавы, и это просто определили в старую тару. Он-то вообще давно выпал из социума. Даже компьютером умеет пользоваться не лучше Елены Алексеевны. «Поинтересоваться, что ли, у нее, что в этих ящиках? – подумал он, но тут же оставил эту идею. – Лучше сам пока разберусь. А то еще скажут, что сую нос не в свои дела. Да так, собственно, и есть. Склад-то не мой, господина Андреева. Пусть у него голова болит за свое имущество. Нет, проверить я, конечно, проверю, что это за металл такой, который еле-еле зубилом отколол. И то от проволоки. А уж лист-то... Без болгарки не обойтись. Иначе не возьмешь».

Порыскал еще по складу, но больше ничего интересного не нашел. Все соответствовало надписям. Когда решил попить чаю, было уже шесть утра. Вот так незаметно и пролетело время сегодняшней ночью.

Утром, дождавшись прихода работников склада, Михаил сдал вахту и беспрепятственно вышел через проходную, пронеся в нагрудном кармашке кусочек проволоки неизвестного сплава. Отойдя на приличное расстояние от базы, Родин незамедлительно набрал на мобильном номер телефона одного из бывших школьных друзей Паши Сольникова. Тот всегда имел пятерки по химии, а в последствии стал работать в НИИ «Химик», который до сих пор держался на плаву.

– Алло, – услышал он в трубке сонный голос бывшего одноклассника.

– Привет, Павел. Разбудил?

– Кто это?

– Не поверишь. Миша-футляр.

– Ба, Родин? Какими судьбами? – искренне удивился Сольников.

– Нужда приперла, – неуместно пошутил Михаил, уловив в трубке тягостный вздох. – Да нет, не по деньгам. Я завязал. На работу вот устроился, – поспешил он исправить положение, вспомнив, что год назад занял у Паши столик по случаю встречи, да так и не отдал. –

Мне по твоему профилю совет один нужен. Мы можем встретиться? Заодно и долг отдам, – пообещал он, прикидывая в уме, где взять этот несчастный стольник. Он и так уже три недели жил за счет Марины, как последний альфонс, обещая все возместить за счет зарплаты.

– Ну, давай вечером подгребай к институту. Я до шести.

– О'кей. Буду. Спасибо.

Михаил, хоть и жил теперь у Марины по ее же настоянию, отправился в свою коммуналку. Василич уже проснулся и, кряхтя, вышел в коридор:

– О, явился, свет ясный. Совсем сюда дорогу позабыл. Коль тут жить не собираешься, пусти квартиранта какого. Все ж деньги капать будут. Да и мне за пивом побегают.

– Я тоже рад тебя видеть, Василич, – так же своеобразно поприветствовал старика Михаил. – Вот, кстати, о деньгах, одолжи столичек на недельку. У меня зарплата будет, все верну. До зарезу надо.

– Похмелиться мы и в складчину можем, зачем же так сразу – все.

– Нет, я завязал. Но за пивом тебе сходить могу по старой памяти. Давай, пока не разулся.

– Ишь ты, завязал! Не брэнчи. Три года бухал – и тут вдруг. Зашили тебя, что ли? Нехило за тебя эта баба взялась. Ну-ну, – еще немного поворчал он и ушел в свою комнату.

Михаил знал, что через минуту тот вернется, а потому так и остался стоять на пороге. Здоровья у дедка совсем нет, самому за опохмелкой ходить сложно, ноги больные. Так и есть. Василич вынес двести рублей:

– На вот, портвейну мне купи. У меня вчера пенсия была, можем себе позволить.

– Я у тебя столичек попросил. Тут не хватит.

– Ну, вот посидим с тобой, покалякаем, а потом решим и твой вопрос, – толково рассудил сосед. – Ты, Мишаня, иди пока поскорее. Колосники горят.

– Я тебе хоть шампанского ящик принесу, ты мне только сразу одолжи, – ненавидя себя, возразил Родин.

– Не, ну ты ушлый! – возмутился дед. – Ты меня шантажировать решил?

– Так, не хочешь – иди сам. Я пошел.

– Ладно, душегуб, – незло выругался Василич и протянул ему еще сотню. – Только условие: если пить не будешь, то хоть посиди со мной, пока я буду.

Возвращаясь с бутылкой портвейна, Михаил думал о том, что, если бы не эта случайная встреча с Мариной, он мог бы обрести такую же судьбу, как у Василича. У того тоже была жена, были дети, которые не хотели его знать, были друзья. Теперь ничего нет. Только редкие собутыльники. Да и то до той поры, пока у него есть деньги. Когда Михаил поселился с ним, многих отвалил оттуда, заменив собой. Страшно так? Или – свобода? Вот философия.

Входя в подъезд, он отогнал от себя эти мысли, вернувшись к главной на данный момент теме. Надо бы со стариком поговорить насчет металла. Он ведь раньше как раз на сталелитейном работал.

Василич залпом оглушил граненый стакан темной пахучей жидкости и закурил «Беломор». Закурил и Родин свой мундштук, с некоторой завистью глядя на поплывший взгляд соседа.

– Поражаюсь я тебе, Мишаня. Такого удовольствия себя лишаешь, – словно издеваясь, сказал тот. – А что бабы? Все одно – стервы!

– Я вот что спросить хотел, – перебил рассуждения старика Родин, – ты помнишь, какое отношение в твоё время было к титану? Ну, скажем, в середине семидесятых?

– В каком смысле? – не понял дед, шурясь от едкого дыма, заполнившего прокопченную кухню.

– Ну, дорогой он был тогда? Много ли его было?

– А, в этом! Так хоть жопой жуй. И украсть... можно было сколько угодно, если надо. Да, воровали, в лом сдавали. Бесхозность была, просто рай! Сейчас-то совсем по-другому.

Тогда комуняки и сами воровали, и другим давали. А ныне радивые хозяева везде объявились, мать их в дышло! Фанерки не подберешь, не то что металл какой. А чего это ты заинтересовался? Клад, что ли, титановый нашел? – затрясся в трескучем смехе Василич и надрывно закашлялся.

– Да так, не клад, а склад. Только вот еще не знаю, то ли. – И он, достав проволоку, протянул старику. – Глянь. Оно?

Сплюнув в грязную раковину мокроту, Василич взял трясущейся рукой кусочек металла и поднес к окну, рассматривая на свету, затем понюхал и даже попробовал на вкус, поковырял желтым ногтем и вернул Михаилу:

– Похоже. Процентом на девяносто пять забожусь, что он и есть. А где взял-то?

– Я не брал и брать не собираюсь. Просто интересно стало.

– И много там этого добра? Плесни-ка мне еще. А то, говорят, если сам себе наливаешь, спиться можно, – захихикал дед, протягивая стакан.

– Точно еще не знаю. В завтрашнюю ночь хочу посчитать все как следует, – ответил Михаил, наполняя стакан.

– Ну, я те так скажу, титан всегда раз в десять дороже стали был. Это, конечно, не редко-земельный, но свою цену всегда имел. Вот проволока эта страсть дорогая какая. Эта и в двадцать раз круче будет. Она сейчас, если не ошибусь, не меньше тысячи. Минимум. Это за килограмм, заметь. Вот и считай за тонну. Но это как изделие, а не на лом, – потер руки Василич и, взяв граненый, снова разом опорожнил его. – Поддай-ка мне вон ту карамельку. Зелененькую. Так много там ее на твоём складе?

– Не на моем, – уклончиво ответил Михаил.

– Ну и дурак! – снова засмеялся и зашелся кашлем сосед.

– А лист прокатный из титана? Небольшой.

– Ну, листы гораздо дешевле. Хотя тоже ничего так пойдет. По пятисоточке, может. Или побольше, – предположил Василич, сплевывая теперь в банку с окурками.

Днем Михаил выпался в своей комнате, поставив будильник на семнадцать ноль-ноль. А ровно в шесть уже стоял у широких мраморных ступеней НИИ «Химик», ожидая Сольникова. Тот появился в четверть седьмого. В темно-сером костюме и при галстук. Родин в своей спецовке выглядел на его фоне форменным бомжом. Даже неудобно стало приблизиться к своему бывшему однокласснику, походившему на министра. Не за себя. За него.

– Миха! – помахал он ему холеной рукой, спускаясь вниз и белозубо улыбаясь во весь рот.

Они обменялись крепким рукопожатием и похлопыванием по плечу, как в старые добрые времена.

– Ты уж извини за внешний вид, Паша. Как бы тебя не скомпрометировать своим видом. Это я со смены, уж извини, – начал оправдываться Родин.

– Да хорош тебе! – снова хлопнул его по плечу Павел. – Ну что, поехали куда-нибудь, посидим? Или ты и впрямь завязал?

– Так точно, – засмутился он, шаря в кармане. – Вот, Паш, можешь проверить, что это за металл? Думаю, титан. Но надо бы поточнее.

– Дрянь вопрос, – взял он проволоку и не глядя сунул в карман пиджака. – Так поедем куда? Или тебя подбросить? – крутанул он ключами и, направив на одну из иномарок, припаркованных на спецстоянке, нажал на кнопку отключения блокировки замка.

– Нет, я спешу, извини. Кстати, вот. – И Михаил протянул бывшему однокласснику сто рублей, занятые у Василича.

– Ой, да хорош тебе, – усмехнулся Сольников, но купюру взял.

– Ты когда мне ответ сможешь дать?

– Какой? – не понял сначала Павел, словно и забыл уже о просьбе товарища, но спохватился: – А! Это. Ну, давай через пару дней звякни мне. О'кей?

– Годится. Спасибо, друг. Ты-то как сам?

– Ничего, нормуль. Катка сейчас в Прагу отдыхать укатила. Лиза последний год учится. В одиннадцатом. А ты как? Не женился вторично?

– Пока нет.

– И правильно, не торопись. А с детьми как? Общаешься?

Родин уже был не рад, что спросил Сольникова о личной жизни. Но ведь так положено. Только кто ж положил?

– Ну, я позвоню? – ушел он от ответа.

– Да-да, Миха. Давай. А ты – молодец.

– Не то слово, – усмехнулся Родин, глядя, как Павел уверенной походкой идет к автомобилю.

А ведь у него тоже когда-то была машина. Наша, конечно, отечественная. Но все же он ощущал себя за рулем лучше, чем в маршрутке. Очень хотелось сейчас вернуться в родную коммуналку и напиться с Василичем до белых чертей. «Чего меня ждет впереди, кроме как сидение на этом долбаном складе? – думал он, идя к автобусной остановке. – А что ждет, если снова запью? Еще хуже. И чего во мне нашла Марина? Просто от одиночества? Из-за секса? Но она верит во что-то, в чего я уже давно не верю. Счастливая. Не надо ее огорчать. Пусть хоть одному из нас будет хорошо».

И была у них ночь. Страстная, бурная. Михаил выложился, ублажая Марину так, как, пожалуй, не выкладывался с тех пор, когда последний раз перед армией был с Надеждой. Он тогда хотел оставить о себе, как о brutальном самце, самые яркие воспоминания, забыв о своем наслаждении. Удалось. Наденька даже лила слезы, дрожа в экстазе. Ну и что? Вот и сейчас Марина просто выла под ним. Но он не верил. Ни в будущее, ни в настоящее, ни в Бога, ни в черта. Никому и ни во что.

А в следующую ночь Родин снова сидел на складе «Заря». Вернее, не сидел. Он сразу пошел в конец зала, где находились заинтересовавшие его ящики с предполагаемым титаном. Неужели он и впрямь сейчас стоит так дорого? Там ведь навскидку не меньше тонны этой злополучной проволоки и еще тонна листов. Вот и считай, как сказал Василич.

Для начала Михаил решил пересчитать ящики, в которых лежали бухты проволоки. Поскольку сложены они были один на другой и стояли рядами, вплотную друг к другу, сделать это было не так просто. Многие пришлось отодвигать. В процессе работы он вдруг обнаружил, что некоторые ящики, стоящие в глубине, ближе к стене, явно тяжелее тех, что находились в передних рядах. Он открыл такой подозрительный ящик и, посветив фонариком, увидел там совершенно другую проволоку. Она была темная и даже ржавая. Ничем не перестелена. Да и скручена в бухты совсем по-другому. Взяв одну из бухт, Родин сразу понял, что это что угодно, но не титан. Обыкновенное железо. Как будто с помойки. Чермет, одним словом. Он открыл следующий ящик. То же самое.

«Интересное кино вырисовывается», – подумал он и, озаренный догадкой, начал проверять все ящики подряд. Работал он как заведенный, забыв про чай и курево. На это у него ушло почти пять часов. Если кто увидел это со стороны, решил бы, что мужик просто сошел с ума. Двигает тяжеленные ящики, открывает их, рассматривает содержимое, снова, надрываясь, ставит на место. Только вытрет пот со лба носовым платком, запишет что-то в блокнотик и снова, задыхаясь и матерясь, продолжает это странное дело. Откуда только силы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.